

Ли Яо держался с таким вызывающим безразличием, словно перед ним стояли не вооруженные головорезы, а пустое место.

Несколько дюжих парней, оказавшихся ближе всех, уже подались вперед, готовые броситься в драку, но Иншу вскинул руку, останавливая их.

— Кто ты такой? — требовательно спросил он.

— Не скажу, — небрежно бросил Ли Яо.

Он посмотрел в сторону тракта.

"Где там носит Хуа Синьфэна? Слишком медленно"

— Он просто тянет время! — рявкнул один из нападавших и ринулся вперед.

Ли Яо мягким движением задвинул Цзинпина себе за спину и тихо вздохнул:

— Верно, тяну. Если бы вы подождали моих людей, прожили бы чуточку дольше. Мне ведь недосуг следить за всей вашей оравой... Поэтому лишних придется... убить.

Он цедил слова неторопливо, почти лениво, но в его ладони уже тускло блеснул иссиня-черный кинжал длиной в фут. Оружие словно ожило, слившись с его пальцами, и в следующее мгновение половина нападавших рухнула на землю.

Цзинпин не успевал следить за хищными росчерками темной стали. Сам «Ли Будуй» превратился в размытый, неуловимый силуэт. Там, где он проносился, враги падали замертво — ни одного лишнего движения, только мгновенная смерть.

Подобная беспощадная точность не имела ничего общего с обычной уличной потасовкой. Это было искусство убивать.

В груди юноши испуг странным образом смешался с лихорадочным восторгом.

В мгновение ока из десятка здоровяков на ногах остались лишь трое или четверо. Ли Яо стоял посреди этого побоища, его изящное одеяние и плащ оставались безупречно чистыми — ни единой брызги крови не коснулась дорогой ткани.

Иншу побелел от ужаса. Перед ним стоял не человек — сам демон-жнец, явившийся за их душами!

С тракта донесся раскатистый конский топот. Ли Яо, даже не оборачиваясь, понял, кто приближается. Вскинув левую руку к губам, он издал короткий свист.

Иншу бросился наутек.

Ли Яо нахмурился. Сорвав сухую травинку, он коротким щелчком отправил ее вслед беглецу. Тонкий стебель, напитанный внутренней силой, устремился вперед, подобно стальной стреле, и глубоко вонзился в подколенную ямку Иншу.

От резкой вспышки боли у того подогнулись ноги, и он кубарем покатился по земле.

— Дядюшка-наставник!

Хуа Синьфэн во главе конного отряда быстро взял беглецов в кольцо. Всадники, не спешиваясь, рассредоточились, отрезая уцелевших от спасительных зарослей.

— Взять их, — скомандовал Хуа Синьфэн. — Доложите префекту, что я буду с минуты на минуту.

Десятник коротко отдал честь. Половина всадников спешила, чтобы связать уцелевших разбойников, убрать тела и конвоировать пленников обратно в город.

Ли Яо заметил ошеломленный взгляд Цзинпина.

"Похоже, малец перепугался до смерти"

— Проголодался? — Ли Яо легко перерезал веревки на запястьях юноши и убрал кинжал в потайные ножны на предплечье. Растрепав ладонью его вихры, он ласково добавил: — Вернемся домой, я сам тебе чего-нибудь вкусного приготовлю. Почешем за ушком, успокоим...

Повстречавшись с мрачным, колючим взглядом подростка, Ли Яо кашлянул, проглотив нежное воркование. Похлопав юношу по плечу, он направился к Хуа Синьфэну.

Стоило ему отойти, как пес Гундань яростно залаял, глядя на затянутые пеленой дождя заросли. В то же мгновение из глубины колышущейся травы блеснули холодные искры.

Что-то бесшумно рванулось к ним сквозь пелену дождя.

— Берегись, скрытое оружие! — закричал Хуа Синьфэн, резко отклоняясь в седле. Холодное лезвие просвистело у самого его лица.

Иншу инстинктивно прогнулся назад. Смертоносный снаряд пролетел над его переносицей и устремился прямо в грудь стоявшему за ним Цзинпину.

— Стой! — крикнул один из гвардейцев. Его палаш со свистом вылетел из руки, перехватив на лету летящую смерть.

Оружие столкнулось с глухим звоном. Палаш рухнул в сырую траву, взметнув фонтан грязных брызг, но темный снаряд от удара раскололся надвое.

Раздался негромкий хлопок. Навстречу ветру веером брызнул рой тончайших, как волосы, игл, смешанных с вязкой черной жижей.

Ли Яо, успевший отойти довольно далеко, вихрем метнулся назад. Увернувшись от еще двух летящих снарядов, он рванул Цзинпина на себя, закрывая спиной, и взмахнул полами своего плотного плаща, словно щитом.

Движения его были молниеносными.

Отбросив плащом большую часть игл и брызг, Ли Яо выхватил лук из седельного колчана ближайшей лошади и вскинул его. Две стрелы сорвались со звонкой тетивы одна за другой. Две невидимые молнии прошли дождевую завесу. В глубине высокой травы раздался глухой стон.

Черной молнией вперед понесся Гундань, а вслед за ним устремились всадники.

— Есть попадание! Живой! — донеслось из зарослей.

Ли Яо швырнул лук гвардейцу и обернулся к юноше. Всё произошло слишком быстро. На теле Цзинпина не было игл, но его бледное лицо и одежда покрылись мелкими черными точками ядовитой жижи.

Ли Яо пронзила страшная догадка.

"Яд!"

А юноша лишь слабо улыбнулся:

— Со мной все в порядке. Оказывается, ты такой силь...

Договорить он не успел. Глаза его закатились, и он стал заваливаться навзничь.

Ли Яо подхватил его, подмяв под себя, и плавно опустился вместе с ним на мокрую траву. Кожа на щеке и ладонях Цзинпина, куда попали капли яда, мгновенно пошла пунцовыми пятнами и вздулась волдырями.

Волдыри разбухали прямо на глазах, натягиваясь до прозрачности, лопались и истекали мутной сукровицей.

— Это же «Хвост ящерицы»! — встревожился подскочивший Хуа Синьфэн. — Быстрее назад! Минутой позже — и мы его не вытащим!

Ли Яо, не говоря ни слова, подхватил легкое тело Цзинпина, плотно укутал его в плащ, взлетел в седло и пустил коня в галоп.

Судьба сыграла с Хэ Цзинпином злую шутку.

Особый снаряд, прозванный «Хвостом ящерицы», по форме действительно напоминал пресмыкающееся. Острый кончик служил наконечником стрелы — это была первая ступень поражения. При попадании в цель или сильном ударе снаряд мгновенно ломался пополам, высвобождая скрытые в полый сердцевине иглы и ядовитую жидкость. Яд разъедал кожу, облегчая тончайшим жалам проникновение в плоть — в этом и заключалась вторая, самая смертоносная фаза.

Но в этот раз совпало слишком много нелепых случайностей. Снаряд изначально летел не в Цзинпина, траектория изменилась из-за удара палаша, Ли Яо находился слишком далеко, чтобы полностью заслонить подростка, а ядовитые брызги попали прямиком в свежие царапины на руках юноши.

Не случись хоть одного из этих совпадений, беды удалось бы избежать.

Впрочем, мальчишке все же улыбнулась удача.

Хоть Ли Яо и Хуа Синьфэн вышли из одной школы боевых искусств, их наставления разнились.

Если Ли Яо учился исключительно калечить и убивать, то Хуа Синьфэн большую часть сил отдавал тому, как спасти человеческие жизни. К изучению ядов и лекарств его подтолкнул не только праздный интерес, но и влияние покойной герцогини Синь — признанной целительницы своего времени.

К несчастью, после ее безвременной кончины угасла и страсть Хуа Синьфэна к врачеванию. Каждый раз, глядя на сухие корни и снадобья, он чувствовал лишь глухую тоску, из-за чего его познания в медицине на долгое время замерли на одном месте.

Все изменилось, когда Ли Яо возглавил карательный поход на юг, а Хуа Синьфэн последовал за

ним в должности адъютанта.

Кочующий на южных рубежах народ Цзе славился коварным использованием ядов и хитроумных механизмов. Ли Яо однажды едва не погиб от отравленной стрелы народа Цзе. Именно после этого случая при дворе Великой Цзинь были учреждены Ведомство противоядий и Мастерская механизмов, призванные изучать секреты вражеских ремесел.

Тогда Хуа Синьфэн вновь взялся за старые книги, и на сей раз его познания превзошли прежние высоты.

Ливень хлынул с новой силой.

В скромном жилище Ли Яо Хуа Синьфэн без устали трудился над раненым: вытягивал яд, смешивал снадобья и бережно перевязывал пораженную плоть. Лишь к глубокой ночи он наконец смог перевести дух.

— Ему повезло больше, чем тебе когда-то, — устало обронил Хуа Синьфэн, отирая руки. — Раны неглубокие, да и в крови нет застарелой отравы, которая могла бы усугубить лихорадку.

Ли Яо лишь молча вскинул на него тяжелый взгляд.

— Если бы ты не бредил в бессмысленности во время недавней простуды, так и продолжал бы скрывать от меня правду? Собственное тело превратил в развалину... Этот твой яд...

— Довольно, — раздраженно оборвал его Ли Яо, отмахнувшись. — Старые долги, которые давно пора отпеть и предать земле. К чему ворошить прошлое? Скажи лучше, когда он придет в себя?

— Через день-другой. Вот только... — Хуа Синьфэн бросил взгляд на левую щеку подростка, скрытую плотными слоями белоснежного шелка. — Шрамы останутся на всю жизнь. Лицо изувечено.

Ли Яо почувствовал укол искренней жалости. Хотел было сказать привычное: «Для мужчины шрамы — не помеха», но вовремя прикусил язык, понимая, насколько фальшиво и легковесно прозвучат эти слова. Так ничего и не придумав, он лишь вздохнул и сменил тему:

— Пленников взяли немало. Иди, займись ими, а я побуду здесь.

А Хэ Цзинпин тем временем пребывал в бессмысленности с той самой секунды, как перед его глазами разлилась густая тьма.

Когда к нему вернулись первые проблески сознания, раскатистый удар грома за окном

заставил его испуганную душу содрогнуться.

Левая щека и левая ладонь горели адским огнем. Казалось, невидимое пламя въелось под кожу, медленно выжигая плоть, пробираясь к самым костям и иссушая костный мозг.

Юноша отчаянно пытался разомкнуть веки, но те словно склеились намертво.

В бессильной злобе он подумал:

"Дождь никогда не приносит ничего хорошего..."

В этот момент постель под ним слегка прогнулась. Кто-то осторожно опустился на край ложа, коснулся ладонью его горячего лба, а затем бережно приподнял его, придерживая за плечи.

Правая половина тела Цзинпина не пострадала, и он отчетливо уловил мягкое тепло чужих объятий. Человек, державший его, был худощав — его острые ключицы упирались юноше в затылок. К его губам поднесли что-то прохладное, и ноздри защекотал резкий, удушливый запах целебных трав. Очевидно, это был край глиняной пиалы.

Все тело онемело, и горький отвар приходилось цедить сквозь плотно сжатые зубы.

Незнакомец проявил ангельское терпение. Его рука держала пиалу изумительно ровно, терпеливо подстраиваясь под вялые глотки раненого. Прошло не меньше четверти часа, пока пиала наконец опустела, и при этом ни одна капля не пролилась на простыни.

Закончив, мужчина бережно уложил Цзинпина обратно на подушки и тихо, с облегчением вздохнул.

Этот тихий вздох прогнал остатки сонного тумана. Разум юноши прояснился, но в желудке тут же поднялся бунт — внутренности скрутило спазмом, словно тесто для пельменей под чужой тяжелой скалкой. От острой боли Цзинпин все же приоткрыл правый глаз. Левая половина лица была стянута повязкой, а зрение все еще оставалось затуманенным из-за действия яда.

Где-то неподалеку дрожал слабый огонек свечи, но в комнате никого не было видно. Тишина, мертвая и гнетущая, напугала подростка. Ему показалось, что и теплые руки, и мягкий вздох были лишь бредом угасающего ума.

"Неужели я умираю? Или уже мертв?.."

— Очнулся?

Чья-то ладонь мягко, но уверенно легла на его плечо. Это прикосновение мигом развеяло все страхи.

Словно угадав его смятение, мужчина склонился ниже и прошептал:

— Еще тяжело? Поспи. Когда проснешься, станет легче.

Он опустил на край постели, и при этом движении длинная прядь серебристых волос скользнула с его плеча, слегка коснувшись лица Цзинпина.

"Значит, не почудилось..."

От этой мысли на душе стало тепло.

Вскоре целебные травы подействовали, и юноша снова провалился в глубокий сон.

Но гроза за окном не унималась. Раскаты грома, словно сговоровшись с ядом, терзали его измученный разум, рождая жуткие видения.

Ему приснились бескрайние заросли дикой полыни.

С неба лил непрекращающийся дождь. В ослепительных вспышках молний повсюду плясали языки упрямого пламени, выхватывая из темноты силуэты яростно сражающихся людей.

Внутри у Цзинпина все кричало, призывая бежать на помощь. Неведомый голос твердил, что там погибают его самые близкие люди, умоляя спасти их.

Но стоило ему сделать шаг, как неведомая сила цепко схватила его сзади. И тот же голос зашептал в ухо: «Маленький наследник, не ходи. Не слушай. И не смотри».

Пока он растерянно топтался на месте, высокая трава перед ним заходила ходуном.

Напряженно вглядываясь в темноту, он услышал сухой шорох примятых стеблей. Кто-то приближался, ползя по земле.

Сердце сжалось от дурного предчувствия. Цзинпин опустил взгляд и похолодел: прямо к его ногам выползла растрепанная, окровавленная женщина. Позади нее тянулся грязный след, густо залитый кровью. Эта багровая колея уходила далеко за горизонт, и дождевая вода размывала густую алую жижу, превращая ее в блекло-розовую пену.

Женщина вцепилась в подол его одеяния, силясь поймать его руку. Но когда она приподняла

рукав, Цзинпин в ужасе замер — кистей у нее не было. Обрубки рук на запястьях были ровно срезаны острым клинком; из ран сочилась темная кровь, обнажая острые белые кости.

Отчаянно закричав, юноша рванулся назад.

В этот миг калека подняла лицо. У нее не было ни носа, ни ушей — лишь сплошное месиво из грязи и запекшейся крови. Вместо глаз на него смотрели глубокие, черные провалы пустых глазниц.

Дождевая вода скапливалась в этих ранах и медленно вытекала наружу двумя багровыми ручьями.

Цзинпин задыхался, грудь сдавило тисками, а сердце готово было разорваться от невыносимого ужаса. Из его горла вырвался полный отчаяния крик:

— Матушка!..

<http://bllate.org/book/18368/1760213>